

Потерянный карак / The Lost Karak (рассказ)

Другой перевод

У этого произведения есть другой перевод. Он находится по ссылке: [Утраченный Карак / The Lost Karak \(рассказ\)](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

**Потерянный карак / The Lost Karak
(рассказ)**

Автор [Гай Хейли / Guy Haley](#)

Переводчик [Translationmaker](#)

Издательство Black Library

Год издания 2021

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

— Кедрен, поправьте меня, если ошибаюсь, но вы хотите, чтобы я повернул «Эллинг» и отправил вас вон туда?

Дрежки Флинт ткнул большим пальцем через плечо, заставив бурильщика отпрянуть в сторону. Кожаная перчатка скрипнула — таким настойчивым получился жест. Экипаж, не удержавшись, уставился на каменную глыбу, дрейфующую за планширями на расстоянии трех тысяч воздушных *раадфатомов*^[1]. Все парни, — все четырнадцать человек, — были на палубе; сзади над толпой возвышался Горд, огор. В спор вовлекли даже его, и это кое-что говорило о накале страстей.

— Да, как-то так, да, — сказал Кедрен. Старый рунный мастер подтянул пояс. Ему вечно бывало дискомфортно в харадронском воздушном снаряжении. Дрежки полагал, что для него просто нужно было родиться.

Дрежки поднял лётную маску, открывая полное контрастов лицо, похожее на покрытый снегом камень: тёмная кожа — и ярко-белая борода, морщины от смеха — и от вчерашних раздумий. Серо-стальные глаза сузились от яркого, не смягченного фильтрами света Хишлайта.

— Не знаю. Неужели не выйдет? — спросил Дрежки. Он втянул воздух сквозь зубы. Ему нравился его вкус на подъеме Третьего Воздуха: прохладный, чистый и полный жизни.

— Мы поймали попутный ветер и хорошо идём вперёд. У нас график, и надо из него не выбиться. Отсюда пять дней до Бавардии. На этот раз непременно нужно успеть, Кедрен. Клиент настаивал на этом.

— Мастер Грюннбор, — поправил его Обездоленный. Он выпрямился, хотя и не мог сравниться с необычно рослым Дрежки. Крупнее капитана на борту был только Горд. Четыре фута и два дюйма!

— Точно, — сказал Дрежки. — У нас сегодня один из *таких* дней, верно?

Ноздри Кедрена раздулись. Брови нахмурились над грубым лицом с мрачным выражением, будто утесы на грани обрушения. Атмосфера сгустилась от его растущего гнева. Если бы рядом был барометр, он бы лопнул. Кедрен Грюннбор сдерживался, но когда он кипел, то кое-что просачивалось.

— Просто отпусти меня. Мне нужно там побывать. Для тебя это будет небольшое приключение, и всё. Можешь просто оставить меня там.

— Не говори глупостей.

— Это не глупости. Это серьёзное дело.

— А какое у вас дело? — любезно спросил Дрежки.

Взгляд, которым ему ответил рунный мастер, был каким угодно, только не дружелюбны.

— Это моё дело, — сказал Кедрен.

— Хм-м, — ответил Дрежки. Он посмотрел на остров. По стандартам Третьего Воздуха он был среднего размера и больше ничем не выделялся: всего лишь один из сотен тысяч кусков земли, из которых состоят Адромитовые Небесные Просторы. Вершину покрывали непокорные леса. По кронам деревьев струились облака — верное предзнаменование местных дождей. С обрыва ниспадало немного зелени; склоны острова в основном представляли из себя грубые, покрытые блестящими рудами, гранитные плиты с заострёнными краями. Неужели дело в этом? Обездоленные дуардины жаждали добываемых из-под земли металлов, но ведь это Хамон; неужели в этом владении найдётся место, где нет в изобилии полезных ископаемых?

— Так или иначе, я пойду туда. Я прошу по-хорошему. — Кедрен обиженно вздохнул — так громко, что

летний костюм заскрипел. — Пожалуйста, — добавил он.

— Прости, что... «Пожалуйста»? — переспросил Дреки. — Ты сказал «пожалуйста»?

— Ты слышал, парень.

Кедрен что-то пробормотал — слишком быстро и тихо, чтобы команда смогла слышать. Самый древний из бородатых лордов Харадрона говорил на хазалиде так, как говорили на земле, но команда Дреки была молода и полна огня. В небе язык несколько изменился. Да и многое изменилось со времен Эпохи Мифов.

Дреки снова втянул воздух, пока не засвистел, а затем разом всё выдохнул.

— Мастер Журафон, прошу!

Он подозвал своего эфирного химика и немного прошёлся вверх по палубе, где их никто не мог подслушать.

Магнитные ботинки щелкнули, отпустив обшивку «Элслинга».

— Да, капитан Флинт? — сказал Отерек Журафон.

— Вы со стариной Кедреном — две гайки на одном болте, крепкие, как заклёпки, — тихо и заговорщически сказал Дреки.

— Он также и твой друг, Дреки, — сказал Отерек.

— Да, для меня он наставник, но с тобой он может поговорить по душам. У тебя есть история, ты заключил с ним контракт. Так скажи мне: что ему нужно от этого камешка? Почему он не хочет объяснить?

Отерек Журафон повернулся к острову.

По дыхательным каналам его маски эхом пронеслось ворчание, за которым последовало отчетливое сопение.

— Не чую ничего ценного. Никакого эфирного золота. — Он поднял висевший на поясе датчик. Когда химик включил его, то на плоском экране вспыхнул синий огонёк. Заплясали цифры. — Ноль шамонита, ноль целых три части на миллион, Дыхания Грунгни ещё меньше. Здесь нет ничего, что годилось бы для сбора.

Дуардин выключил прибор.

— Что-нибудь попроще? — спросил Дреки. — Драгоценные камни? Слоновая кость? Полезные алхимические вещества? Может, какие-нибудь сокровища для нас?

Глаза капитана сверкнули.

— Ну, точно я не могу сказать, — ответил химик.

Дреки показалось, что тот колеблется, и он поднажал.

— А что ты можешь «сказать точно», Отерек?

— Ну, это может быть... Я тут так подумал...

Он умолк.

— Ну же, что у тебя на уме, мастер химик?

— Дом, — просто сказал Отерек.

— Правда? — спросил Дрекки. — Такое может быть?

Он взглянул на мастера рун, но его лицо оставалось таким же невозмутимым, будто скала из угрюмого гранита с секретами, запечатанными внутри. Дрекки оглянулся на остров. Вокруг его глаз собрались «гусиные лапки». Они сильнее всего морщились, когда он улыбался, но сейчас он щурился в попытках разглядеть выгоду.

Остров медленно поворачивался вокруг своей оси, открывая взору все более любопытные детали. Дрекки отстегнул подзорную трубу от ремня и раскрыл её. Сверкнули хрустальные линзы. Рои мелких камней резко приблизились, а большой остров расплылся на их фоне. Дрекки повернул фокусирующее кольцо, и маленькие островки превратились в тёмные пятна; теперь настало время вырисовываться большому фрагменту. Остров поворачивался, словно его выставили напоказ, постепенно открывая более пологий склон, по которому лес осторожно полз вниз. Он был еще гуще, зеленее и буйнее, чем тот, что была сверху, но не настолько удушающим, чтобы скрыть дела прежних дней. Из мокрых рощ выглядывали статуи. Деревья пронизывали бледные шрамы лестниц и дорожек.

— Это Карак, — сказал Дрекки с тихим благоговением.

— Это больше, чем Карак, — сказал Журафон. — Это один из караков. Один из старейших.

Теперь они оба смотрели на Кедрена. Его сердитый взгляд стал настолько кислым, что губы втянулись в бороду.

— Ты прав, — сказал Дрекки. Он сложил подзорную трубу. — Это всё решает. Пойдём всей командой.

— Не надо было вам за мной увязываться! — проворчал Кедрен Грюннбор; его жалобы переросли в ритмичное *бам!* топора, которым он прорубал тропу вверх по лестнице. — Я должен разобраться с этим сам. Это моё дело.

— Ты что, серьёзно, старая ты борода? — сказал Дрекки, пыхтя и отставая на четыре шага. — Только Грунгни знает, что может обитать в таком месте.

— Вот не знал, что ты религиозен, — прорычал Кедрен, вымещая раздражение на толстой ветке.

— Я люблю подстраховывать ставки, — ответил Дрекки, вымученно подмигнув и изобразив фирменную беззаботность. В землях Третьего Воздуха бывало душно; все дуардины потели в ботинках так, что там хлюпало. Голова раскалывалась от жара. Как только харадронцы поднимали забрала, на лица тут же пикировали кусачие насекомые. Это не беспокоило только Горда, — но огора вообще почти ничего не беспокоило. Сверху донесся оглушительный грохот, когда он рванулся вперед, круша деревья кулаками: от огора было столько же шума, сколько от целой армии. Дуардины действовали методично, добросовестно расчистив парадную лестницу. Аккуратная тропинка, проложенная ими, выглядела так, будто её проделали механической молотилкой.

— Беда в том, что вы, харадронцы, лишены чувства традиции, — сказал Кедрен. Он остановился под

резным изображением предка, выражение лица у которого было настолько суровым, будто его ваяли с мастера рун. Дреки подавил ухмылку. Они действительно были похожи. — Я должен разобраться с этим сам. Это место было Каракком моего народа до того, как пал Тестудинос. Здесь лежат мои предки, а не ваши. Так что проваливал бы ты обратно на корабль!

— Здесь могли быть и мои предки, — сказал Дреки. — Эта земля может быть и моей святыней.

Трокви с упреком поклевал его шлем. Дриллбиллу не нравились уловки Дреки.

Кедрен раздавил бицепсом огромную кусачую муху. В отличие от харадронцев, он снял лётный костюм перед высадкой.

Он надевал снаряжение только по необходимости, а при любой возможности работал голыми руками и с неприкрытым лицом. На спине обездоленный нёс рюкзак, ещё более массивный, чем эфирные рюкзаки харадронцев. На боку висел увесистый, испещренный рунами мушкет. Ни одежда, ни оружие, ни рюкзак не казались особенно мудрым выбором.

— Это моя чёртова точка зрения, — сказал Кедрен достаточно громко, чтобы услышала вся компания — даже стоящий прямо над ними огор. — Если бы у вас было чувство традиции, вы бы знали, где лежат ваши предки.

Он снова принялся расширять проложенную Гордом тропу.

Дреки покачал головой. Другой дуардин, возможно, обиделся бы, но Дреки был не из таковских. Харадронцы Барак-Морнара придерживались старых обычаев лишь на словах, не более того.

Он пожал плечами, взглянув на десантную группу. Те пожали плечами в ответ. В конце концов он забрал шестерых из команды. На большее Кедрен Грюннбор не согласился, да и на это — только после долгих споров. Отерек Журафон, Грюннбор, Горд, Дреки и пара надежных арканавтов совершили восхождение. Идти было нелегко. Масса острова смещалась от центра, поэтому лестница, ведущая к воротам, была наклонной. Несомненно, гора была под снежным покровом, когда там жил дуардин — когда она была настоящей горой, но теперь она плавала в тропическом климате, покрытая густым лесом, в двух шагах от джунглей. Узловатые корни следовали за линиями каменщиков, раскалывая ступени и цепляясь за ступни. Растения были податливыми, но срезать их было нелегко: они с равной вероятностью могли и распрямиться, хлестнув дуардина по лицу, и покориться топору. Когда они соизволяли упасть, из них сочился густой молочный сок, который покрывал и затуплял лезвия.

«На этой горе есть деньги», — подумал Дреки. За резину на Гельдрунгбурце^[2] давали хорошую цену. Он мысленно отметил местоположение.

Богатство было последним, о чем думал Кедрен. Он оставался угрюмым, отбиваясь от деревьев, будто затаил обиду на всех и каждого.

К тому времени, как они добрались до главных ворот, Хиш перемахнул через плоскость королевства и ушёл в закат, чтобы светить снизу; казалось, что тени дуардинов бегут вверх по склону, обгоняя их самих, а ноздри и бороды приобрели цвет зари. Все, кроме Журафона, сбросили шлемы, перчатки и рукава костюмов, оставив их, чтобы собрать на обратном пути, и проклиная насекомых.

Горд ждал у главных ворот, увитых лозой. На его лице застыла довольная ухмылка. Он восседал, окруженный раздавленной растительностью, часть которой сам же и разгрыз. Горд никогда не отказывался попробовать на вкус что-то новенькое. По привычке в качестве главного блюда для ужина

он выбрал мясо какого-то, теперь трудно опознаваемого, животного, окровавленные остатки которого люмпен зажал в кулаке, чтобы не сбежали.

— Жаркая работёнка, — сказал Дреки, отдуваясь; борода у него промокла. Наверху было ветрено, но это не очень-то спасало от жары. — У тебя-то все пучком. Хороший пикник?

Шутка не помогла. Его серые глаза остались суровыми. Восхождение было не из весёлых.

Огор кивнул.

— С тобой всегда приятно перекусить, Дреки.

— Что ж, я рад, что, по крайней мере, ты получаешь удовольствие. Не стоит так напрягаться, чтобы нам помочь.

Это был бросок костей, пятьдесят на пятьдесят, — уловит Горд сарказм или нет. На сей раз не срослось.

Горд запихнул в рот остатки зверя — шкуру, копыто и все остальное, — и с наслаждением захрустел.

— Спасибо, — сказал огор, невообразимо брызгая слюнями. — Я проголодался.

Горд нечасто бывал не голодным. Он встал.

— Провел кое-какую разведку. Нашел путь внутрь. Вот он, — сказал огор, указывая на вход.

Огромные ворота исчезли, и проход зиял на добрую сотню футов. Сверху сползали деревья, почти цепляясь ветвями и обвивая башни с обеих сторон. За ними виднелся впечатляющий проход сквозь разбитые статуи и голые стены. Ударяясь о скалы, ветер с некоторой силой возвращался назад. Дреки, ненавидевший жару, уже пожалел, что решил пришвартовать корабль на полпути, но, столкнувшись с этой смертельной ловушкой, он вновь передумал. Спустившись с корабля по тросам или с помощью эфирного шара в эти перекрёстные течения, они бы встретили лишь прикосновение Нагаша.

Солнечные лучи падали на сводчатый потолок входа, высвечивая покрытую плесенью резьбу. Дальше — тьма. Ступеньки поднимались к краю, а затем снова спускались вниз.

— Там, внизу, очень темно. Далеко не видно. Решил подождать, — сказал Горд.

Отерек присоединился к Дреки на краю и принялся. Носы химиков годились не только для поиска золота.

— Здесь небезопасно. Там что-то есть, — сказал он. — Что-то мерзкое.

— Х-м-м, — сказал Дреки. Он обернулся и опустил взгляд вниз — на извилистую лестницу, на лес. Прекрасный вид. Адромитовые Небесные Тела широко раскинули свои спирали, населяя пустоту карманными землями и королевствами валунов. Далеко-далеко внизу, у подножия горы, стоял «Элслинг»; он казался крошечным кусочком стружки, застрявшим в бескрайнем небе. Наружу вышел эндринриггер Дреки; его снаряжение вспыхивало, когда дуардин порхал вокруг корабля, вероятно, соскабливая с корпуса воздушные ракушки. Бокко никогда не упускал случая немного подработать. Таким уж он был, и это заслуживало восхищения.

Остальная часть десантной группы приближалась к входу: сначала Кедрен, затем Адримм и Эврокк из экипажа Дреки. Арканавты замедлили ход, ожидая передышки, но Кедрен продолжал пыхтеть прямо у ворот.

— Что-то там есть неприятное, мой старый длиннородый друг. Может, повернем назад? — спросил Дреки, уже совершенно не уверенный насчет этого приключения.

— Я слышал, — сказал Кедрен и пошёл прямо внутрь.

Его топот громким эхом отдавался в нескольких десятках шагов, затем затих. Послышался звук удара рюкзака о камень и шарканье, сопровождаемое новым потоком жалоб. Мгновение спустя вспыхнул холодный синий конус рунной лампы. Шаги возобновились. Кедрен спускался.

Во тьме таились и монстры, и сокровища. Дреки подсчитал шансы. Прибыль и убытки. Убытки и прибыль. Трокви неуверенно пискнул. Его клюв повернулся раз, другой.

— Насколько мерзкое, Отерек, — спросил Дреки, — по шкале от одного до десяти?

— Я не могу подсчитать, капитан, но могу уточнить название — троггот, — сказал Отерек. — Какого рода, сказать не могу. Это не моя специализация.

Он помолчал.

— А Кедрен-то не останавливается.

— Не останавливается, говоришь? — спросил Дреки. Он погладил бороду. — Ну что ж, сейчас и вообще это мой путь, в бегстве нет никакого богатства. Давайте, парни, оружие на изготовку!

Пистолеты и ножи скользнули по коже. Взвыли генераторы эфира. Зажглись установленные на плече лампы.

— Будем надеяться, что троггот там один, — сказал Дреки. — Горд?

Огор кивнул. Он уже пристегнул свой кулак с лезвием и ослабил кобуру с огромным пистолетом. Теперь огор обнажил увесистый меч.

— Я первый. Я всегда первый. Лучшая еда всегда перед тобой, так говорит Глотающий бог.

— И он прав, — сказал Дреки. — Что ж, пошли.

На горе — жарко, внутри — сыро. Пот дуардинов охлаждал плоть. Они не дрожали, а стойко переносили перемены.

— Камень сверху и камень снизу, всё, как завещали предки, — сказал Отерек. — Это по-своему утешает.

— Утешайся, чем хочешь, — сказал Дреки. — Мне больше по душе открытое небо.

Это было правдой лишь отчасти. Харадронцы родились в облаках, но весь народ Грунгни когда-то пришел с гор, и на команду снизошло глубокое, родовое умиротворение. Они шли по лестнице уверенно и без лишнего шума, едва слышно шлепая сапогами. Только сапоги Горда хрустели. Он был глыбой в темноте, в одно мгновение освещённый фонарями, в следующее — ползучим менгиром, и в любом случае заметным.

Когда дуардины заговаривали, их голоса отдавались эхом. Механический гул активных генераторов эфира отражался от резьбы, словно призрачные комары. Несмотря на всю их связь с подземельями — и Дреки был прав, его предки могли ходить по этим самым ступеням, — они чувствовали себя незваными гостями.

У Кедрена Грюннбора не было такого чувства. Он уверенно шёл в двухстах футах впереди; рунный фонарь освещал высеченные из камня лица дуардинов со ртами, открытыми от неподвластного времени возмущения. Они роптали во время расцвета власти Хазалидов и до сих пор продолжали роптать во тьме.

— Знаете, вы можете подождать наверху, — крикнул рунный мастер. Его голос прогремел над головами. Дрекки поморщился. Эти слова услышало бы всё, что жило в горе. — Я буду максимум через час, не позже. Не нужно идти со мной, капитан Флинт!

— Капитан, да ну? Флинт? — пробормотал Дрекки. — Да он в настроении. Он настроен на самоубийство.

Отерек положил руку ему на плечо.

— Может, и правда подождать? Может быть, ему следует разобраться с этим самому. Он гордый. Все Обездоленные таковы. Что, если с ним все будет в порядке? Он привык к туннелям больше, чем мы.

— Ну-у? — сказал Дрекки. Луч его фонаря блеснул во мраке неровно-белым светом. Грудные клетки и черепа, остатки необычных гротов. — Этим парням явно кто-то помог окостенеть, не находишь? Ты сам сказал, что это небезопасно, Отерек. — Он серьезно посмотрел на химика. В ответ закрытые линзы Отерека засветились эфирными секретами. — Что говорит твой нос?

Отерек отпустил руку капитана.

— Ничего хорошего, капитан, ничего хорошего.

— Подземный фанатик или нет, он один из нас, и я его не брошу, пусть гордость и честь дорастут хоть до краёв владения.

— Его гордость. Его честь, — сказал Журафон.

— Моя команда, моя банда, — сказал Дрекки. — Мы идем за ним.

От главного спуска ответвлялись лестницы, ведущие в пустые пиршественные залы, разграбленные сокровищницы и высохшие пивоварни. Кедрен Грюннбор не обращал на них внимания: он спускался все ниже и ниже, пока огромная лестница не сузилась. Прямой спуск прекратился, и она разворачивалась снова и снова, как угловая дрель.

Нижние залы были разрушены. Из заблокированных дверей осыпались обломки. Стены покрывались трещинами. Гора пестрела дырами. Проходы, которые вели в более глубокие слои, обрушило падением Великого Тестудина, который открыл их небу. Виднелись проблески света и шквалы каменных ласточек, которые влетали в проход, а затем с чириканьем вылетали из какой-нибудь щели. Ворвавшийся ветер напевал что-то вроде музыки. Песня горы была не весёлой, а печальной и низкой, постоянно меняющейся, но всегда одной и той же.

— От этого уханья у меня борода дыбом, — сказал Адриан. — Звучит неестественно.

— Тихо там, сзади, арканавт второго класса! — сказал Флинт. Это было ему не по душе: капитан редко так явно демонстрировал свой ранг. Но Адриан все равно замолчал.

Серость заполнила туннель, вытеснив тьму. Они повернули за ещё один идеально прямой угол. Дуардинов залило ярким светом. Дрекки прищурился и выругался.

— Пол обвалился, — сказал он.

— Упасть не выйдет, — философски заметил Горд. Он стоял на последней осыпающейся ступеньке, совершенно ничего не боясь. — Можно только падать.

Он собрал во рту огромный комок мокроты и сплюнул. Легенда гласила, что небо на отмелях не имело дна. Слюна Горда будет падать вечно.

— Борода Грунгни, — сказал Дреки. — Где Кедрен?

Рунный мастер исчез. Они огляделись; лучи от наплечных фонарей заплясали. От главной лестницы ответвлялась дюжина проходов поменьше.

— Кто-нибудь видел, куда он пошёл? — спросил Дреки.

— Туда! — сказал Отерек. Он ткнул пальцем в потрескавшуюся арку. Их друга выдал отблеск рунного света.

— Трокви, лети за ним, — сказал Дреки. Дриллбилл поднялся с грохотом металлических крыльев и унесся прочь. — Старый дурак пытается от нас отделаться!

— Он поднимается наверх. Подъем крутой, — сказал Эврокк, подойдя к двери. Он взвёл курок залпового пистолета.

— Опять в чёртову гору, — простонал Адриан.

— Просто идите, быстро! — приказал Дреки. Они вошли строем.

— Там, наверху, воняет еще хуже, — предупредил Отерек.

— Чудесно, — ответил Дреки. — Прямо в пасть опасности.

— Единственная опасная пасть здесь — моя.

Горд провел рукой по носу, а затем вытер его о свою засаленную куртку из овечьей шерсти.

— Давненько я не ел хорошего бифштекса из троггота, — добавил он. Огор ждал этого с таким нетерпением, что даже не жаловался, хотя ему пришлось согнуться в три погибели, чтобы пролезть в туннель.

По ступеням прокатился рев.

— Быстрее! — закричал Дреки.

Дуардины застучали каблуками. По лестнице прокатилась волна прогорклого воздуха. Еще один рев. Затем — разноязычная смесь ругательств, сопровождаемая грохотом пистолета.

Они ворвались в большую прихожую с дверями по кругу.

— Похоже, он нашёл троггота, — пробормотал Отерек, увидев то, что они увидели.

— Он, черт возьми, один, — сказал Дреки.

Троггот был огромным, вонючим и в расстроенных чувствах. Данкхолдский троггот — один из самых крупных, именно его вы бы точно не хотели видеть у себя в родовых чертогах. Но они часто в них пробирались. В полу виднелась идеально подходящая полость, будто скала выросла вокруг троггота,

пока тот пребывал в спячке. Несколько тонн серебра, и вы получите идеальное изображение спящего троггота, подумал Дрекки, хотя вряд ли кому-то захочется смотреть на нечто столь отвратительное. Теперь существо проснулось и нависло над осажденным Кедром Грюннбором.

— Надо поднажать. Прикончите его, парни! — закричал Дрекки.

Он вытащил свой пистолет «Кэрон», который назвал в честь матери. Дрекки нажал на спусковой крючок, и оружие заговорило так же, как и она, быстро и яростно, посылая потоки застывающего эфира в спину троггота. Его люди последовали примеру капитана. В зале загорелись синие и золотые всполохи, освещая входы в древние гробницы.

Монстр застонал. Он был таким огромным, что почти все пули угодили в цель, пробивая шкуру и разрывая растущие на теле грибные кущи. Когда троггот повернулся, то Дрекки в полной мере смог оценить его уродство. Грибы росли только с левой стороны, которая была открыта воздуху во время сна. Он выглядел так, будто его наполовину выбрил бог-обманщик. Левая часть морды была перекошена и вдавлена, закисший глаз — полукрывает. Во все стороны торчали острые клыки.

— Чего вы ждёте, ещё залп! — закричал Дрекки.

Харадронцы выстрелили. Морда существа пылала. Троггот вскинул гигантские, плохо сформированные руки, чтобы защитить лицо. Горд с ревом ворвался внутрь, взмахнув мечом. Дуардинам Горд казался огромным, но трогготу он доходил лишь до бедра, будто бородатый младенец, беспокоящий мать.

Железо глубоко вонзилось в колено. Троггот взвизгнул и ударил огора тыльной стороной ладони. Огромный кулак врезался Горду в живот, подкинув того высоко в воздух и отшвырнув на украшенную лицами дуардинов дверную перемышку.

— *Крунци-брог!* — выругался Дрекки. — Он уделал Горда!

Дрекки не придумал ничего лучше, чем старый добрый концентрированный огонь.

— В общую атаку! — крикнул он. — Все сразу. Это наш единственный шанс!

Дрекки, Адримм и Эврокк закричали «Харадрар-Харадрор!» и бросились в атаку, сверкая резаками. Тяжелые клинки безжалостно вонзились в голени троггота. Он выл и брыкался, переворачивая Эврокка вверх и вниз. Горд застонал, схватился за голову и осел на обломки лестничного пролета. Адриан вновь и вновь рубил ногу толщиной со ствол дерева. Дрекки выстрелил в упор в брюхо твари.

Светящиеся шляпки грибов взорвались, осыпая грибную слизь. Эфирные пули наносили серьёзные раны, но ненадолго. Регенеративные способности троггота уже начали залечивать пулевые отверстия и плотно затягивать порезы от меча, будто это были скрытые пасти.

Зверь снова взревел. Кедрен разрядил заряженный чёрным порохом мушкетон.

Харадронец посмеивался над «старой бородой» из-за его устаревшего оружия. Для тех, кто был вооружен новейшим эфирным оружием, чёрный порох был нелепым выбором. По крайней мере, так казалось, пока Кедрен не выстрелил. Рунические боеприпасы извергались в виде конуса, каждая тщательно обработанная дробишка воспламенялась от связанной с ней магии. Троггот закричал от ужаса, столкнувшись с этой огненной бурей.

Огненный рунический выстрел содрал кожу с его лицевой части, выбил глаза, раздробил клыки. Троггот размахивал длинными, как причальные канаты, лапами. К его и без того внушительной силе

прибавились боль и страх. Кедрен увернулся от кулака. Вход в гробницу разлетелся на осколки — сотни часов работы дуардинов в одно мгновение превратились в гравий.

Рунные огни погасли. Вонь горящего троггота и жареных грибов вызвала у Дрекки рвотный позыв. Он перепрыгнул через болтающуюся ногу. Раны от порезов затягивались. Огонь замедлил исцеление троггота, но недостаточно. Свежие раны спереди дрожали по всей поверхности, постепенно заживая. В окровавленных глазницах распускались новые глаза.

— Дрекки! — крикнул Отерек.

Дрекки обернулся. В одной руке химик держал бомбу.

— Отличная идеяаааааа... — начал он. Удар лапы прервал его. Капитана подняли вверх, вверх, к исцеляющемуся лицу. Сломанные зубы широко раскрылись.

Дрекки развел руками. Совсем не так он представлял себе этот день...

Трокви, жужжа, спикировал целясь в новые глаза троггота. Монстр застонал и ударил его, оторвав держащую Дреки лапу от рта.

— Дрекки! — снова позвал Отерек. — Бомба!

Дрекки обернулся; химик был внизу. Эврокк снова принялся за нижние части тела троггота, на этот раз срубив пальцы на ногах. Они уползли, как черви.

Дрекки бросил пистолет.

— Давай! — крикнул он.

Химик подбросил бомбу. Сердце Дрекки заколотилось от страха, что он промахнется. Но он не промахнулся. Холодный металл шлепнулся в ладонь. Троггот снова взревел, поднося Дрекки обратно к пасти.

Дрекки ухмыльнулся.

— Сожри-ка, фунти-друк!

Он зубами вырвал чеку из бомбы и засунул ее в рот троггота. Тот рефлекторно сглотнул: трогготы ещё менее разборчивы в еде, чем огоры.

— Отойди от него!

Отерек орал, бегал и махал остальным, чтобы они отошли.

Дрекки уже собирался сделать тоже самое, вонзив топор в запястье троггота. Лезвие прорубило конечность наполовину, и Дрекки начал двумя руками качать его взад-вперёд, будто распиливал особо прочный каменный хлеб.

Зверь взревел. Рука упала.

Дрекки приземлился, пальцы троггота все еще крепко сжимали его. Из отрубленного запястья хлынула черная кровь. Он попытался вдохнуть, но не смог, и начал задыхаться.

Троггота разнесло на куски. Начиная с кишечника, который раздулся от красивых огней и лопнул,

осыпав всех внутренностями. Если бы Дрекки мог дышать, то набрал бы полную грудь воздуха. Голова троггота мощно ударилась о потолок, а затем тяжело грохнулась рядом с Дрекки; язык чудища всё ещё двигался. Дуардин взвизгнул. Шлёп, шлёп — руки троггота упали на пол, туловище разорвало надвое. Он раскачивался взад-вперед на своих ножках. Дрекки поморщился, думая, что будет заживо похоронен в потрохах троггота, но туша падала в другую сторону, рухнув обратно на своё лежище в полу, но уже гораздо менее аккуратно.

Дрекки пинками освободился от все еще дергающихся пальцев. Он вытер с глаз жгучую кровь, стряхнул её с рук. Позади него в последний раз содрогнулась туша троггота, в последний раз пытаясь ожить, но после взрыва эфирной бомбы регенерации не последовало. Мощные желудочные кислоты прожгли в камне дыры. Из угла донесся совершенно не дуардинский вопль: это Эврокк пытался выбраться из плавящегося летного костюма.

— Что у тебя, чёрт возьми, за игры такие, фанти-друк?! — крикнул Дрекки Кедрену.

— Игры? Я здесь не в игры играю, ты, бесцеремонный летающий бородач! Нет бы просто оставить меня в покое, чтобы я занимался этим...

Рунный мастер попытался принять позу негодования, но поскользнулся на кишках троггота.

— Но что у тебя за дело? Почему ты не хочешь сказать? Ты пришел забрать свои семейные реликвии? Это все?

С таким же успехом Дрекки мог бы обвинить Грюннбора в откровенном расхищении гробницы, настолько взрывоопасным был ответ.

— Забрать семейные реликвии? За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я пришел сюда красть у собственного клана?

Борода Кедрена задрожала от ярости.

— Но это же гробницы. — Он оценил ущерб. «Были гробницы».

— Да, гробницы, это верно. Молодец, — сказал Кедрен таким уничтожающим тоном, что Дрекки попятился, а все остальные отвернулись. — Я здесь, чтобы почтить память моих предков, ты, *ундави*, прыгающий по облакам бездельник! Мой прадед лежит здесь. Его прадед лежит здесь. Весь мой народ, начиная с начала царств, похоронен в этом месте. Я вернулся, чтобы возложить на могилу его молот!

— Чтобы упокоить?

— Да, чтобы упокоить! Проявить уважение, хотя что ты об этом знаешь!

— Почему ты мне не сказал?

У Грюннбора затряслась борода. Это было ясно и без объяснений.

— А, точно, — сказал Дрекки. — Ты думал, что я ограблю твоих предков? Правда?

— Кто, Дрекки Флинт, печально известный капер, зарегистрировавший лозунгом компании «Прибыль превыше всего»? Прости, если в моей чертовой голове действительно мелькнула мысль, будто да, ты бы полностью обчистил эти гробницы ради нескольких банок Аква Гирана!

Кедрен Грюннбор зашёл слишком далеко. Он понял это и остановился. Воцарилось потрясённое

молчание. От мертвого троггота повалили зловонные газы.

— Неужели ты мне настолько не доверяешь? — спросил Дрекке. Он действительно очень обиделся.

Грюннбор провел рукой по лицу, растрепав бороду. Когда он заговорил снова, то понизил голос и продолжал, отведя глаза:

— Можешь ли ты винить меня в этом? Это слишком важно, чтобы доверять кому-либо. Я не сказал даже Отереку.

— Не сказал, — добавил химик. Его слова потонули в глубокой тишине.

— Ты не понимаешь, — наконец сказал Кедрен. — Никто из вас, харадронцев, не понимает. Вы слишком сильно изменились, слишком далеко ушли. Все ваши ценности — новые. Прибыль важнее всего. Для нас это не так. Для нас это все — о старом. Особенно сейчас, когда города Сигмара поднимаются, а старые Караки пустуют.

— Харадронцы Барак-Тринга такие же, — промямлил Адримм.

— Это не одно и то же, Адримм Андриммссон! — рявкнул Грюннбор. — Никто из вас не тот же, кем был.

— Ты не понимаешь, Кедрен. Я...

— О, просто позволь мне спокойно завершить дело!

— Нет, дай сказать. Я действительно понимаю, — спокойно сказал Дрекке. Он подошел и схватил старшего дуардина за плечи. — Твой народ потерял все. Я тоже потерял отца и брата. Я чувствую часть того, что чувствуешь ты. Нам не всё равно. Ты не понимаешь этого. Ты не можешь понять, почему мы здесь. — Дрекке поднял руку и обвел их небольшую группу. — Я, Адриан, Отерек, Эврокк — мы пошли за тобой, а не за прибылью.

Кедрен одарил его своей лучшей, самой искренней улыбкой, которая, впрочем, не выглядела такой уж искренней.

— Ты один из нас.

Они оглядели круг лиц. Дуардин торжественно кивнул.

— Да, это верно, — сказал Эврокк.

— Часть команды, — добавил Адриан.

— Видишь?

Губы Кедрена сжались. Его усы торчали. Он напряженно кивнул. Два дуардина, Обездоленный и харадронец, крепко обнялись, хлопая друг друга по спине.

— Ладно, ладно, — сказал Кедрен. — Мне очень жаль. Я поддался эмоциям. Это действительно важно.

— Я понимаю. Но ты должен знать, что мы пришли поддержать тебя.

— Э-э, я пришел пожрать, — сказал Горд.

— Заткнись, Горд, — сказал Дрекке.

Они наблюдали на почтительном расстоянии, как Кедрен Грюннбор отдавал дань уважения. Ритуал был коротким и тихим. Рунный мастер достал из своего мешка завернутый в ткань сверток. Опустившись на одно колено перед гробницей, он поднял его, поднося к изображению предка, охраняющему место упокоения его прадеда. Он оставался в этой неудобной позе довольно долго, кряхтя и ворча на диалекте земляных паундеров.

— Это довольно красиво, ты не находишь, Отерек? — спросил Дреки. — Отличается от молитв небесных костров. Менее лаконичный. Больше движения. Я полагаю, — добавил он — У первых беженцев не было времени на все это: погибших было слишком много, чтобы всех похоронить.

— Да, может, и так, — сказал Отерек.

— Может, старые способы — лучшие.

Химик искоса взглянул на него.

— Дыры в земле и топоры?

— Может, и нет, — согласился Дреки.

Они еще несколько мгновений слушали причитания Кедрена.

— Ты правда имел в виду всё то, что наговорил Кедрену? — спросил Отерек.

— Абсолютно, — сказал Дреки.

Трокви чирикнул, покачивая железной головой и прикрыл клюв крылом — верный признак того, что он обнаружил ложь. Дреки нахмурился, глядя на него.

— А теперь помолчи.

Отерек Журафон чувствовал то же самое.

— Значит, ты не собираешься тут ничего спереть? — спросил он с наигранной невинностью. — В смысле, эти гробницы битком набиты сокровищами...

— Ну что ж... Я и впрямь думал, что они больше не пользуются ничем из этого, так что... — Дреки ухмыльнулся внезапно, как вспышка в темноте. — Нет. Шучу. Конечно, нет.

— Тогда, — тихо сказал Журафон, — можно спросить, что это у тебя в сумке? А в том, другом подсумке, да и вообще во всех карманах?

Дреки вздохнул: зоркий глаз эфирного химика не обманешь.

— Хорошо. Просто небольшая безделушка. Скажем так, ничего эмоционально значимого. Компактная, но ценная. В смысле, ну что поделаешь? У каждого дуардина в портах есть два хозяина, Отерек, — его клан и Кодекс.

— Артикул два, параграф один, точка двенадцать? — предположил Отерек.

Дреки кивнул.

— Он самый. «За каждое предприятие — прибыль», — процитировал он. — Можно присматривать за своими друзьями, но нельзя обмануть Кодекс, Отерек. Нельзя обмануть Кодекс.

1. Один воздушный раадфатом — это расстояние, которое средний небесный корабль, с давно устаревшим двигателем «мод. I Гриндиссон эфир-эндрин», гипотетически пройдёт по горизонтали за одну секунду.
Измерение старое, со вре́мен рассвета небесных портов, и рассчитано в соответствии с эфирным режимом навигатора Гроффина Терренка.
 2. Гельдрунгбурц — сырьевой и фондовый рынок Харадрона.
-

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Потерянный_карак_/_The_Lost_Karak_\(рассказ\)&oldid=25306](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Потерянный_карак_/_The_Lost_Karak_(рассказ)&oldid=25306)

Эта страница в последний раз была отредактирована 28 июня 2024 в 09:04.